

俄汉对照
全译本

ДЕТСТВО

童年

[苏] 高尔基 著 郑海凌 译 管玉红 注

中国宇航出版社

俄汉对照
全译本

ДЕТСТВО

童年

[苏] 高尔基 著 郑海凌 译 管玉红 注

中国宇航出版社

·北京·

版权所有 侵权必究

图书在版编目(CIP)数据

童年：俄汉对照全译本 / (苏) 高尔基著；郑海凌译；管玉红注. — 北京：中国宇航出版社，2015.1
(世界文学经典珍藏馆)
ISBN 978-7-5159-0825-0

I. ①童… II. ①高… ②郑… ③管… III. ①俄语—汉语—对照读物②长篇小说—苏联 IV. ①H369.4: I

中国版本图书馆CIP数据核字(2014)第269129号

策划编辑 李琬琪 于 慧   封面设计 文道思
责任编辑 李琬琪   责任校对 刘东雪

出版 中国宇航出版社
发行

社址 北京市阜成路8号   邮编 100830
(010)68768548

网址 www.caphbook.com

经销 新华书店

发行部 (010)68371900   (010)88530478(传真)
(010)68768541   (010)68767294(传真)

零售店 读者服务部   北京宇航文苑
(010)68371105   (010)62529336

承印 北京中科印刷有限公司

版次 2015年1月第1版   2015年1月第1次印刷

规格 880×1230   开本 1/32

印张 17.75   字数 463千字

书号 ISBN 978-7-5159-0825-0

定价 38.80元

本书如有印装质量问题，可与发行部联系调换

响亮而亲切的名字

——高尔基及其《童年》

在我国读者所熟悉的外国作家群里，再没有比高尔基的名字更响亮更亲切的了。几乎每一个中学生都读过他的作品，有数不清的作家、诗人、革命家在少年时代受到他的启蒙，读着他的作品走进文学的殿堂，或走上追求真理和光明的道路。就一位作家在国外的影响而言，高尔基是一个奇迹。大约在1907年，他的小说《忧患余生》（俄文原名译为《该隐和阿尔乔姆》）初次译成中文在中国发表，此后的数十年间，他的作品不断译介到中国。早在1946年6月，著名作家茅盾就说过：“高尔基对于中国文坛影响之大，只要举出一点就可以明白，外国作家的作品译成中文，其数量之多，且往往一书有两三种译本，没有第二个人能超过高尔基。”新中国成立后，高尔基的读者就更多了。

高尔基与中国的关系也极其密切。八国联军侵占北京时，他曾打算作为记者来中国，要从侵略者身上“剥下文明的假面具”。辛亥革命后，高尔基曾致信孙中山，信中说：“我们，俄国人，希望争取到你们已经取得的成就。我们在精神上是兄弟，在志向上是同志。”1931年“九一八”事变和1932年1月日军侵占上海之后，高尔基在3月2日的苏联《消息报》上发表《响应孙逸仙夫人的呼吁》（宋庆龄就日本侵华向世界进步人士发出呼吁），表达了他对中国人民的同情和支持。高尔基病逝于1936年

6月，很遗憾他没有看到中国人民的胜利和崛起于东方的新中国。

高尔基是一位在黑暗中追求光明的作家，他幼年时就对事物特别敏感，关注人间的冷暖善恶。《童年》正是他孩提时代生活的写照。高尔基出身于俄国社会底层，3岁时随父母去了俄国南方的阿斯特拉罕，在那里染上了霍乱。他病愈后父亲也染上了这种可怕的流行病，一病不起。高尔基幼年失怙，由外公和外婆养育成人，只上过两年学，11岁时便在社会上流浪谋生，凭着坚强的毅力读书自学，24岁时以高尔基为笔名（高尔基原姓彼什科夫）发表第一篇短篇小说《马卡尔·楚德拉》。

高尔基创作《童年》时45岁（1913年），此时他已是著作等身、闻名全欧洲的大作家。《童年》虽不是他的主要作品，却是他创作得最投入，也是最富有魅力的作品之一。《童年》《在人间》《我的大学》和高尔基的名字一起传遍了全世界，尤其受到青少年的珍爱。1933年5月，邹韬奋根据《童年》等三部曲和其他材料编译了高尔基传记。鲁迅曾称赞这部书“是给中国青年的很好的赠品”。

《童年》在中国早有译本流传，本译本于1995年翻译出版，至今已印刷发行20余万册。此次以中俄对照加注释的形式再次出版之际，除了对个别译文做了重新翻译或者修改外，注释者在俄文部分解释了大学俄语专业四级以上词汇，并对个别固定搭配、典型句子加以注释。在此，特别感谢中国宇航出版社对译者及译本的重视，相信高尔基和他的《童年》会成为中国读者永远的知心朋友。

郑海凌

2014年10月于北京

目 录

ДЕТСТВО..... 1

童年..... 297

ДЕТСТВО

Сыну моему посвящаю

В полутемной тесной комнате, на полу, под окном, лежит мой отец, одетый в белое и необыкновенно длинный; пальцы его босых ног странно растопырены^①, пальцы ласковых рук, смиренно положенных на грудь, тоже кривые; его веселые глаза плотно прикрыты черными кружками медных монет, доброе лицо темно и пугает меня нехорошо оскаленными зубами.

Мать, полуголая, в красной юбке, стоит на коленях, зачесывая длинные мягкие волосы отца со лба на затылок^② черной гребенкой, которой я любил перепиливать корки арбузов; мать непрерывно говорит что-то густым, хрипящим голосом, ее серые глаза опухли и словно тают, стекая крупными каплями слез.

Меня держит за руку бабушка, — круглая, большоголовая, с огромными глазами и смешным рыхлым носом; она вся черная, мягкая и удивительно интересная; она тоже плачет, как-то особенно и хорошо подпевая матери, дрожит вся и дергает меня, толкая к отцу; я упираюсь, прячусь за нее; мне боязно и неловко.

Я никогда еще не видал, чтобы большие плакали, и не понимал слов, неоднократно сказанных бабушкой:

— Попрощайся с тятей-то^③, никогда уж не увидишь

① растопырить: [动] (笨拙地) 叉开, 劈开, 张开, 撑开。

② затылок: [名] 后脑勺。

③ тятя: [名] <俗>爸爸, 爹爹。

его, помер он, голубчик, не в срок, не в свой час...

Я был тяжело болен, — только что встал на ноги; во время болезни, — я это хорошо помню, — отец весело возился со мною, потом он вдруг исчез, и его заменила бабушка, странный человек.

— Ты откуда пришла? — спросил я ее.

Она ответила:

— Сверху, из Нижнего^①, да не пришла, а приехала! По воде-то не ходят, шиш!

Это было смешно и непонятно: наверху, в доме, жили бородатые крашенные персияне, а в подвале старый желтый калмык продавал овчины. По лестнице можно съехать верхом на перилах или, когда упадешь, скатиться кувырком, — это я знал хорошо. И при чем тут вода? Всё неверно и забавно спутано.

— А отчего я шиш?

— Оттого, что шумишь, — сказала она, тоже смеясь.

Она говорила ласково, весело, складно. Я с первого же дня подружился с нею, и теперь мне хочется, чтобы она скорее ушла со мною из этой комнаты.

Меня подавляет мать; ее слезы и вой^② зажгли во мне новое, тревожное чувство. Я впервые вижу ее такую, — она была всегда строгая, говорила мало; она чистая, гладкая и большая, как лошадь; у нее жесткое тело и страшно сильные руки. А сейчас она вся как-то неприятно вспухла и растрепана, всё на ней разорвалось; волосы, лежавшие на голове аккуратно, большою светлой шапкой, рассыпались по голому плечу, упали на лицо, а половина их, заплетенная

① С Верху, из Нижнего: 从上头来, 从下头来。意指从伏尔加河上游的下新城来。

② вой: [名]号啕, 哀嚎, 哭号; (狗、狼等的)嗥叫(声); 呼啸, 怒号。

в косу, болтается, задевая^① уснувшее отцово лицо. Я уже давно стою в комнате, но она ни разу не взглянула на меня, — причесывает отца и всё рычит, захлебываясь слезами.

В дверь заглядывают черные мужики и солдат-будочник^②. Он сердито кричит:

— Скорее убирайте!

Окно занавешено^③ темной шалью; она вздувается, как парус. Однажды отец катал меня на лодке с парусом. Вдруг ударил гром. Отец засмеялся, крепко сжал меня коленями и крикнул:

— Ничего, не бойся, Лук!

Вдруг мать тяжело взметнулась с пола, тотчас снова осела, опрокинулась на спину, разметав волосы по полу; ее слепое, белое лицо посинело, и, оскалив зубы, как отец, она сказала страшным голосом:

— Дверь затворите... Алексея — вон!

Оттолкнув меня, бабушка бросилась к двери, закричала:

— Родимые, не бойтесь, не троньте, уйдите Христа ради! Это — не холера, роды пришли, помилуйте, батюшки!

Я спрятался в темный угол за сундук и оттуда смотрел, как мать извивается по полу, охая и скрипя зубами, а бабушка, ползая вокруг, говорит ласково и радостно:

— Во имя отца и сына! Потерпи, Варюша! Пресвятая мати божия, заступница...

Мне страшно; они возятся на полу около отца, задевают его, стонут и кричат, а он неподвижен и точно^④

① задевать: [动] 碰到, 触及。

② будочник: [名] 巡警。

③ занавесить: [动] (用窗帘、帷幔等) 蒙上, 罩上, 遮上。

④ точно: [语气词] 好像, 说不定。

смеется. Это длилось долго — возня на полу; не однажды мать вставала на ноги и снова падала; бабушка выкатывалась из комнаты, как большой черный мягкий шар; потом вдруг во тьме закричал ребенок.

— Слава тебе, господи! — сказала бабушка. — Мальчик!

И зажгла свечу.

Я, должно быть, заснул в углу, — ничего не помню больше.

Второй оттиск в памяти моей — дождливый день, пустынный угол кладбища; я стою на скользком бугре липкой земли и смотрю в яму, куда опустили гроб отца; на дне ямы много воды и есть лягушки, — две уже взобрались на желтую крышку гроба.

У могилы — я, бабушка, мокрый будочник и двое сердитых мужиков с лопатами. Всех осыпает теплый дождь, мелкий, как бисер.

— Зарывай, — сказал будочник, отходя прочь.

Бабушка заплакала, спрятав лицо в конец головного платка. Мужики, согнувшись, торопливо начали сбрасывать землю в могилу, захлюпала вода; спрыгнув с гроба, лягушки стали бросаться на стенки ямы, комья земли сшибали их на дно.

— Отойди, Леня, — сказала бабушка, взяв меня за плечо; я выскользнул из-под ее руки, не хотелось уходить.

— Экой ты, господи, — пожаловалась бабушка, не то на меня, не то на бога, и долго стояла молча, опустив голову; уже могила сравнялась с землей, а она всё еще стоит.

Мужики гулко шлепали^① лопатами по земле; налетел ветер и прогнал, унес дождь. Бабушка взяла меня за руку и повела к далекой церкви, среди множества темных крестов.

— Ты что не поплачешь? — спросила она, когда вышла за ограду. — Поплакал бы^②!

— Не хочется, — сказал я.

— Ну, не хочется, так и не надо, — тихонько выговорила она.

Всё это было удивительно: я плакал редко и только от обиды, не от боли; отец всегда смеялся над моими слезами, а мать кричала:

— Не смей плакать!

Потом мы ехали по широкой, очень грязной улице на дрожках, среди темно-красных домов; я спросил бабушку:

— А лягушки не вылезут?

— Нет, уж не вылезут, — ответила она. — Бог с ними!

Ни отец, ни мать не произносили так часто и родственно имя божие.

Через несколько дней я, бабушка и мать ехали на пароходе, в маленькой каюте; новорожденный брат мой Максим умер и лежал на столе в углу, завернутый в белое, спеленатый красною тесьмой.

Примостившись на узлах и сундуках, я смотрю в окно, выпуклое и круглое, точно глаз коня; за мокрым стеклом бесконечно льется мутная, пенная^③ вода. Порою она, скидываясь, лижет стекло. Я невольно прыгаю на пол.

① шлёпать: [动] 拍打。

② Поплакал бы! 你应该哭。完成体动词过去式和бы连用, 表示命令式。

③ пенный: [形] 起泡沫的, 有泡沫的。

— Не бойся, — говорит бабушка и, легко приподняв меня мягкими руками, снова ставит на узлы.

Над водою — серый, мокрый туман; далеко где-то является темная земля и снова исчезает в тумане и воде. Всё вокруг трясется. Только мать, закинув руки за голову, стоит, прислонясь к стене, твердо и неподвижно. Лицо у нее темное, железное и слепое, глаза крепко закрыты, она всё время молчит, и вся какая-то другая, новая, даже платье на ней незнакомо мне.

Бабушка не однажды говорила ей тихо:

— Варя, ты бы поела чего, маленько, а?

Она молчит и неподвижна.

Бабушка говорит со мною шёпотом, а с матерью — громче, но как-то осторожно, робко и очень мало. Мне кажется, что она боится матери. Это понятно мне и очень сближает с бабушкой.

— Саратов, — неожиданно громко и сердито сказала мать. — Где же матрос?

Вот и слова у нее странные, чужие: Саратов, матрос.

Вошел широкий седой человек, одетый в синее, принес маленький ящик. Бабушка взяла его и стала укладывать тело брата, уложила и понесла к двери на вытянутых руках, но, — толстая, — она могла пройти в узенькую дверь каюты^① только боком и смешно замялась^② перед нею.

— Эх, мамаша, — крикнула мать, отняла у нее гроб, и обе они исчезли, а я остался в каюте, разглядывая синего мужика.

— Что, отошел братишка-то? — сказал он, наклонясь

① каюта: [名] (船上的) 舱, 室。

② замяться: [动] 脚蹶不前; 中断, 停顿。

ко мне.

— Ты кто?

— Матрос.

— А Саратов — кто?

— Город. Гляди в окно, вот он!

За окном двигалась земля; темная, обрывистая^①, она курилась туманом, напоминая большой кусок хлеба, только что отрезанный от каравая^②.

— А куда бабушка ушла?

— Внука хоронить.

— Его в землю зароят?

— А как же? Зароят.

Я рассказал матросу, как зарыли живых лягушек, хороня отца. Он поднял меня на руки, тесно прижал к себе и поцеловал.

— Эх, брат, ничего ты еще не понимаешь! — сказал он. — Лягушек жалеть не надо, господь с ними! Мать пожалей, — вон как ее горе ушибло^③!

Над нами загудело, завывало. Я уже знал, что это — пароход, и не испугался, а матрос торопливо опустил меня на пол и бросился вон, говоря:

— Надо бежать!

И мне тоже захотелось убежать. Я вышел за дверь. В полутемной узкой щели было пусто. Недалеко от двери блестела медь на ступенях лестницы. Взглянув наверх, я увидел людей с котомками и узлами в руках. Было ясно, что все уходит с парохода, — значит, и мне нужно уходить.

① обрывистый: [形] 有悬崖的, 陡峭的, 不连贯的, 断断续续的。

② каравай: [名] 大圆面包; (某地的) 谷物收成。

③ ушибить: [动] 使异常悲伤, (精神上) 击垮, 碰伤, 碰疼。